

**ХАНТЕР С.
ТОМПСОН**

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

**ПРОКЛЯТИЕ
ГАВАЙЕВ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-311.2
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hunter S. Thompson
THE CURSE OF LONO

Перевод с английского *В. Миловидова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Томпсон, Хантер С.

Т56 Проклятие Гавайев : [роман] / Хантер С. Томпсон; пер. с англ.
В.А. Миловидова. — Москва: Издательство АСТ, 2017. —
252, [4] с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-098766-5

Еще одна книга «великого и ужасного» Хантера Томпсона, написанная в его уникальном стиле гонзо-журналистики, где реальность невозможно отделить от вымысла, а вымысел — от видений.

Итак: следует ли считать торговцев недвижимостью сложившейся мафиозной группировкой?

Почему Лоно, Отец Гавайев, покинул острова — и когда вернется?

Как поймать самого большого на свете марлина, и имеет ли отношение к рыбацкой удаче количество виски, высаженного рыбаками до, после и во время?

Чем занять себя в тропическом раю в сезон дождей?

И вопрос вопросов, которым рано или поздно задается каждый турист на Гавайях: почему аборигены съели Кука?

Хантер Томпсон отвечает на все вопросы — и отвечает за свои ответы...

УДК 821.111(73)-311.2
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-098766-5

© The Estate of Hunter S. Thompson, 2003, 2005

© Перевод. В.А. Миловидов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Полки надменных христиан пределы отдаленных стран
поработить своим мечом пришли.

Но злобный европейца нрав, своей улыбкою поправ,
не отдал он врагам своей земли.

Надгробный камень с той поры глядит на океан с горы —
здесь христианин кончил жизни срок.

И эпитафия гласит: «Увы, безумец здесь лежит,
что покорить мечом хотел Восток».

Редьярд Киплинг
«Наулака»

Романтический бог Лоно

В последнее время я немало писал о великом боге Лоно и о капитане Куке как одной из его персонификаций. Сейчас же, когда я нахожусь в доме Лоно и стою на земле, которую в давние времена попирала грозная нога бога — если, конечно, туземцы не лгут, что вряд ли, — я могу рассказать, кем он был.

Его идол, объект поклонения туземцев, представляет собой изящную, лишенную украшений статую высотой в двенадцать футов. Прозаические хроники рассказывают, что он был любимым богом жителей Гавайских островов — великий царь, впоследствии обожествленный за свои достойные уважения дела — абсолютно наш обычай вознаграждать героев, с тем только исключением, что мы, вне всякого сомнения, провозгласили бы его главным почтмейстером, но не богом. В минуту гнева он убил собственную жену, богиню по имени Кайкилани Алии. Муки совести свели Лоно с ума, и традиция представляет нам уникальную историю странствующего пешком от деревни к деревне бога, который вызывал на борьбу или кулачный бой всякого, кто встречался ему на до-

роге. Конечно, такое времяпрепровождение вскоре потеряло для него остроту новизны, так как когда столь мощное божество посылает противника «на траву», тот с этой травы вряд ли когда поднимется. Поэтому бог приказал учредить в свою честь игры под названием *махаики*, а сам на треугольном плоту отправился в дальние страны, пообещав однажды вернуться. С тех пор бога никто не видел; плот же его, вероятно, затонул. Но люди на островах верили в его возвращение, а потому с легкостью приняли капитана Кука за воскресшего бога.

Марк Твен
«Письма с Гавайев»

25 октября 1980 года
Совиная Ферма

Друзище Ральф!

Сдается мне, старина, мы с тобой здорово влипли! Тут один недоумок из Орегона, по имени Перри, хочет подарить нам на Рождество месяцок на Гавайях, а мы с тобой за это сделаем для его журнальчика репортаж о Марафоне в Гонолулу. Называется журнальчик «Бег».

Догадываюсь, что ты думаешь об этом, Ральф. Но сишься по верхнему этажу своего старого особняка и

орешь: почему я? И почему сейчас? Только-только стал уважаемым человеком, и вот!

Придется проглотить эту пилюлю, Ральф. Сегодня в Англии каждый может называть себя уважаемым человеком, но не каждому платят за то, что он согласен, высунув язык, участвовать в этом безумном суперсостязании под названием «Марафон Гонолулу».

Мы точно влипли в это дело, Ральф, но я на все сто уверен, что мы победим. Конечно, нужно будет потренироваться, но не слишком.

Главное — зарегистрироваться в качестве участников, а потом первые три мили лететь на всех парусах. Эти вонючие атлеты весь год пахали, чтобы блеснуть в Марафоне Гонолулу, настоящем суперкубке всех марафонов. Организаторы ожидают десять тысяч записавшихся, а бежать нужно двадцать шесть миль, и это означает, что поначалу они будут тащиться как черепахи... ведь двадцать шесть миль — это чертовски длинная дистанция, что ни говори, а потому истинные профессионалы на первых порах гнать не станут и начальные двадцать миль будут аккуратно экономить силы.

Но только не мы, Ральф. Мы сорвемся со старта, как настоящие торпеды, мы взорвем изнутри саму природу марафонского бега, промчавшись в спринтерском темпе первые три мили за десять минут, плечом к плечу.

Скорость, которую мы разовьем, взорвет им мозги, Ральф. Эти парни готовятся бежать, а не лететь; мы

же полетим, как ошпаренные суки, и будем лететь первые три мили — такой будет наша стратегия. Думаю, нам удастся завести себя до такой степени, что на контрольном пункте в конце третьей мили мы покажем девять минут пятьдесят пять секунд, и мы оторвемся так, что остальным нас и не видно будет. Так, в гордом одиночестве, мы перемахнем холм и выскочим на отрезок дистанции, который идет вдоль бульвара Ала Моана, все так же плечом к плечу, на скорости столь безумной, что даже судьи спячат, а те, что останутся в поле за нашими спинами, захлебнутся в слепой ярости и тупом бессилии.

Да, я еще тебя зарегистрировал участником в чемпионате по серфингу в Оаху, на двадцать шестое декабря. Мировой класс, лучшие мастера! Будешь с ними гонять по туннелям под гребнем волны у северного побережья.

Придется, правда, поработать над тем, чтобы держать равновесие на большой скорости, Ральф. Вряд ли ты захочешь свалиться, когда под гребнем десятиметровой волны будешь делать пятьдесят, а то и все семьдесят пять миль в час.

Мне не удастся разделить с тобой радость участия в чемпионате серферов — мой адвокат выставил серьезные возражения против этого, сославшись на мой анализ мочи и связанные с ним юридические последствия.

Зато я буду участвовать в печально известном Мемориальном бое петухов в Листоне с начальной ставкой

в тысячу долларов. Это означает вот что: если ты выдержишься минуту в клетке с одним петухом, получишь тысячу, пять минут с одним — пять тысяч, две минуты с пятью петухами — десять тысяч долларов и так далее...

Это серьезное дело, Ральф. Гавайские бойцовые петухи за считанные секунды рвут человека в клочья. Здесь, дома, я тренируюсь с павлинами. Это сорокафунтовые птички, шесть штук, в клетке шесть на шесть метров, и мне кажется, я в этом деле уже прилично насобачился.

Пришло время порастрясти жирок, Ральф, оставить покой и снова появиться на публике. Ты же знаешь, дружище, мне тоже давно пора отдохнуть, и причины к тому более чем веские. Поэтому я искренне желаю, чтобы у нас все прошло без сучка без задоринки, и верю в глубине сердца, что так и будет.

Не о чем беспокоиться, Ральф! Мы сделаем это легко! Я уже снял небольшое поместье: два домика с пятидесятиметровым бассейном на самом берегу моря. Это на Алий-драйв в Конне, где круглый год сияет солнце.

Твой ХСТ

ГОЛУБАЯ РУКА

Мы были уже в сорока минутах от Сан-Франциско, когда экипаж наконец решился заняться проблемой с туалетом в первом классе. Дверь не открывалась с самого момента взлета, и теперь старшая стюардесса вытащила второго пилота из кабины и привела в салон. Тот появился в проходе рядом с моим креслом, держа в руках странный черный инструмент — не то фонарик с лезвиями, не то электрифицированную стамеску. Совершенно спокойно кивая, он вслушивался в горячий шепот стюардессы.

— Он мне отвечает, — говорила она, тыча длинным алым ноготком в табличку «занято» на двери туалета, — но я не могу его оттуда вытащить.

Второй пилот продолжал задумчиво кивать, повернувшись спиной к пассажирам и одновременно настраивая свой явно спецназовский инструмент.

— Личные данные? — спросил он стюардессу.

Та глянула в список, прикрепленный к планшету.

— Какой-то мистер Аккерман, — ответила она. — Адрес: почтовый ящик девяносто девять, Кайлуа-Кона.

— Большой остров, — констатировал второй пилот.

Стюардесса кивнула, продолжая изучать поверхность планшета.

— Член клуба Красного Ковра, — сказала она. — Часто путешествует, но где бывал раньше — не сказано. Зарегистрировался в Сан-Франциско, первым классом, в один конец до Гонолулу. В поведении безупречен. Никакой дополнительной информации: отель не резервировал, машину не нанимал... — Она пожала плечами и закончила: — Очень вежливый, трезвый, спокойный...

— Вот-вот, — отозвался второй пилот. — Я таких знаю.

Глянув на свой инструмент, он размахнулся свободной рукой и резко хлопнул по двери.

— Мистер Аккерман! — позвал он. — Вы меня слышите?

Ответа из-за двери не последовало, но я находился достаточно близко, чтобы услышать, как упало сиденье унитаза и зажурчала вода.

Я не был знаком с мистером Аккерманом, но помнил, как он садился в самолет. Выглядел он как человек, который в прошлом мог быть профессиональным теннисистом в Гонконге, а потом занялся более крутыми делами. Золотой «Ролекс», белая льняная спортивная куртка; на шее — массивная золотая цепь из тайского золота, в руках — тяжелый кожаный портфель с наборным замком на каждом из многочислен-

ных карманов и кармашков... И никаких признаков того, что он способен закрыться в туалете сразу после взлета и оставаться там в течение целого часа.

Это слишком долго для любого полета. Подобное поведение неизбежно вызывает вопросы, которые, в конце концов, уже невозможно просто проигнорировать — особенно если дело происходит в просторном отсеке первого класса семьсот сорок седьмого «боинга», который летит из Сан-Франциско в Гонолулу. Пассажирам, которые платят такие деньги, совсем не улыбается перспектива стоять в очереди в единственный из оставшихся туалетов, в то время как какой-то придурок неизвестно чем занимается в другом.

Я был одним из этих пассажиров. Мои непростые отношения с Объединенными Авиалиниями обязывали меня, как я решил, непременно воспользоваться хромированным писсуаром в сортире с защелкой на внутренней стороне двери и провести там достаточное время, чтобы хорошенько облегчиться. До этого я шесть часов проболтался в зале клуба Красного Ковра в аэропорту Сан-Франциско, переругиваясь с билетными агентами, накачивая себя алкоголем и стараясь отогнать волны странных воспоминаний...

Где-то на полпути между Денвером и Сан-Франциско мы решили поменять самолет и очередной этап нашего путешествия провести в семьсот сорок седьмом. Десятый «ди-си» хорош для коротких перелетов и для сна, но семьсот сорок седьмой — это то, что нужно профессионалу в длительной поездке, осо-

бенно если у него невпроворот работы: из первого класса по винтовой лестнице поднимаешься на второй этаж и оказываешься в маленькой гостиной типа клуба — с отдельным баром, кушетками и деревянными карточными столиками. Конечно, перескакивая с самолета на самолет, мы могли запросто потерять свой багаж, но мне нужен был простор для работы, для того чтобы немного расслабиться, чтобы вытянуть ноги, наконец.

Мои планы на этот вечер включали изучить все, что у меня было по Гавайям. Я запасся газетными заметками и брошюрами, даже книгами. Передо мной лежали «Последнее путешествие капитана Кука» и «Записки Вильяма Эллиса», вышедшие из-под пера Ричарда Хау, «Письма с Гавайев» Марка Твена — это все толстые тома. А еще брошюры: «Гавайские острова», «История берегов Коны», «Пухонуа Хонауна» и множество прочей печатной продукции.

— Ты не сможешь просто выбраться из самолета и с ходу написать про Марафон, — инструктировал меня мой приятель Джон Уилбер. — Кроме десятка тысяч япошек, которые побегут вдоль Пёрл-Харбора, там, на Гавайях, чертовски много всего интересного. Нужно все это использовать.

Помолчав, он продолжал:

— Острова полны тайн. Я не говорю про Дона Хо и прочую лапшу, которую вешают на уши туристам. Нет, там есть много такого, что мы здесь совершенно не понимаем.